

Идеи и чувствованія Ивана.

Грозный много страдалъ. Эти страданія, которыя онъ преувеличивалъ, по своему обыкновенію, не безъ основанія выводились нѣкоторыя изъ глубокаго нравственнаго источника. Прежде всего, Иванъ живо сознавалъ всѣ недостатки и пороки вѣреннаго ему соціально - политическаго порядка. Съ другой стороны, онъ не менѣе болѣзненно чувствовалъ свое безсиліе бороться съ этимъ зломъ, болѣе или менѣе, дѣйствительными средствами. Въ довершеніе всего, это мучительное раздвоеніе ощущалось имъ въ собственномъ духовномъ мірѣ: онъ слишкомъ ясно видѣлъ всѣ свои отрицательныя стороны; онъ постоянно казнилъ себя за нихъ, и, однако, не могъ или не хотѣлъ отъ нихъ избавиться. Впрочемъ, было бы ошибкой считать это раздвоеніе дѣломъ чисто субъективнаго недовольства самимъ собою. Не менѣе заблуждались тѣ представители школы *Юрія Самарина*, которые усматривали въ лицѣ Ивана одинокаго и непонятаго современниками героя. По ихъ мнѣнію, только онъ одинъ видѣлъ въ нравахъ своей эпохи зловѣщіе признаки наступающаго разложенія. Не находя никого, кто бы раздѣлилъ съ нимъ его презрѣніе и ненависть къ существующему порядку, онъ терялъ власть надъ собою въ своемъ мучительномъ одиночествѣ. Въ отчаяніи, не разбирая ничего, онъ разилъ все, что его окружало. Онъ не зналъ, какъ разобратъ между добромъ и зломъ, существующими въ немъ самомъ и внѣ его; наконецъ, ему не доставало воли, которая соотвѣтствовала бы силѣ его разума.... Подобная оцѣнка Грознаго одинаково несправедлива по отношенію какъ къ самому царю, такъ и къ его времени. Иванъ былъ знакомъ и встрѣчался съ такими людьми, которые несравненно лучше его понимали необходимость нравственна-

то оздоровленія общества и знали, какими средствами оно можетъ быть достигнуто. Съ этой точки зрѣнія, идеалы сторонниковъ Нила Сорскаго отличались большей возвышенностью, нежели стремленія самого Грознаго. Этого мало. Въ своей борьбѣ съ боярствомъ Иванъ отлично понималъ, что онъ дѣлаетъ, и кому онъ наноситъ удары. Было бы исторической ошибкой, вмѣстѣ съ *Бестужевымъ-Рюминымъ*, представлять себѣ Грознаго какимъ то Гамлетомъ, который, по своему темпераменту, склоненъ къ отвлеченнымъ построеніямъ, но совершенно безсиленъ сдѣлать хоть одинъ рѣшительный шагъ въ дѣйствительной жизни. Развѣ опричина сколько нибудь похожа на абстракцію? И развѣ Гамлетъ могъ бы вести такую тонкую игру съ самыми выдающимися дипломатами своего времени?

О, нѣтъ, Иванъ отлично умѣлъ хотѣть. Нѣкоторые пытались видѣть доказательство его безволія въ томъ, какъ обращался онъ съ людьми, служившими орудіями его плановъ. Грозный постоянно ломалъ эти орудія, очевидно, не удовлетворяясь ими; но, отбрасывая одни, онъ немедленно искалъ себѣ другія: это ясно свидѣтельствууетъ, что, самъ по себѣ, онъ былъ неспособенъ воплотить въ жизнь свои идеи. Словомъ, онъ былъ скорѣе человѣкомъ мысли, нежели дѣйствія, теоретикомъ и, пожалуй, художникомъ: онъ понималъ все прекрасное и доброе, но былъ безсиленъ перевести свои отвлеченныя представленія на языкъ практики. Наконецъ, онъ любилъ сильныя ощущенія и искалъ художественныхъ эффектовъ даже въ ужасахъ своихъ казней... Таковъ тезисъ *Константина Аксакова*. Однако, принимая его, мы должны были бы допустить, что глава государства все можетъ сдѣлать самъ. Но, вѣдь, этого не достигалъ и Петръ Великій: не безъ основанія упрекали его въ томъ, что онъ слишкомъ много вниманія отдаетъ мелочамъ. Великій преобразователь нуждался въ сотrudникахъ; у Грознаго въ распоряженіи оказывались либо такія ничтожества, какъ Бѣльскій, либо такія чудовища, какъ Скуратовъ. Вотъ почему онъ самъ принялся за дѣло: онъ вершилъ его собственными руками—даже тогда, когда въ этомъ не было прямой необходимости.

Какъ и Петръ Великій, Иванъ являлся только продолжателемъ дѣла. Несомнѣнно, онъ шелъ по пути своего дѣда. Въ борьбѣ прошлаго съ будущимъ, онъ выступилъ защитникомъ тѣхъ же самыхъ правственныхъ, умственныхъ, соціальныхъ и, особенно, политическихъ интересовъ, за какіе боролся и его предшественникъ. Правда, въ эту борьбу Грозный внесъ кое-какія новыя идеи и, еще больше, новыя

средства. Иванъ III дѣйствовалъ молча — однимъ топоромъ; вѣрный духу своего времени, Иванъ IV не откладывалъ этого топора въ сторону, но дополнялъ его кровавую работу хозяйственными преобразованіями и еще... рѣчами. Можно ли было молчать въ то время, когда кругомъ начинали говорить? Молчаніе должно было наступить впоследствии, когда теорія деспотической власти одержала побѣду и покорила себѣ цѣлую державу. Для того, чтобы отважному кличу Курбскаго отвѣтило хотя и заглушенное эхо, нужно было, чтобы въ Европѣ началось новое революціонное броженіе: тогда въ Россіи раздался голосъ Радищева. Но, въ XVI вѣкѣ, на Руси разсуждали громко всѣ представители тогдашней интеллигенціи: Иванъ не могъ остаться въ сторонѣ. Поэтому онъ и говорилъ.

Вопреки господствующему мнѣнію, Иванъ проявилъ гораздо большую силу, какъ практикъ, нежели какъ теоретикъ. Внутри своего государства онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы со всѣми Курбскими и послѣдовательно провелъ намѣченную имъ политическую программу. Во внѣшнихъ отношеніяхъ онъ вынужденъ былъ отступить лишь передъ счастьемъ и талантомъ Баторія. Между тѣмъ, какъ политическія, такъ и религіозныя его идеи, весьма часто оказываются смутными, неясными, неустойчивыми. Въ общемъ, его мыслительная способность значительно уступаетъ его вѣрному, по большей части, инстинкту. Мы знаемъ, что Грозный почти безсознательно стремился опереться на народныя массы; и, однако, онъ же самъ отдалъ крестьянъ въ жертву служилымъ людямъ. Онъ былъ весьма благочестивъ: въ 1547 году, спустя двѣ недѣли послѣ брака, онъ предпринялъ паломничество въ Троицкій монастырь, куда шелъ пѣшкомъ, несмотря на жестокую стужу. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ превосходства своей вѣры надъ другими: объ этомъ свидѣлствуютъ его диспуты съ Поссевиномъ и Рогитою. И однако, нерѣдко, онъ позволялъ себѣ такіа шутки, которыя граничили съ кощунствомъ. Порою Грозный проявляетъ нѣкоторую терпимость; но она, повидимому, совершенно лишена принципиальной основы: въ ней слишкомъ сказываются случайныя настроенія царя или его оппортунизмъ. Это отлично почувствовали тѣ протестанты, которымъ Иванъ позволилъ было построить въ Москвѣ двѣ церкви, но которыхъ онъ же потомъ подвергъ самымъ возмутительнымъ оскорбленіямъ. При взятіи Полоцка, въ 1563 г., на глазахъ царя были потоплены въ Двинѣ всѣ евреи, жившіе въ этомъ городѣ. Въ ту пору евреямъ было запрещено торговать въ Москов-

скомъ государствѣ. На это жаловались польскіе послы. Тогда Иванъ привелъ въ свое оправданіе довольно курьезные мотивы. По его словамъ, евреи склоняютъ его подданныхъ къ отпаденію отъ православной вѣры; помимо того они занимаются темными дѣлами, отравляя людей ядовитыми травами.

Повидимому, царь намекалъ на одно странное дѣло. Съ 1551 по 1565 годы въ Москвѣ жилъ флорентинскій агентъ, Джіованни - Тетальди: его воспоминанія были изданы *Шмуло* въ 1891 году (СПБ.). Этотъ итальянецъ рассказываетъ, что въ Московское государство была привезена какая то мумія, изъ-за которой начался процессъ о контрабандѣ, осложненной еще болѣе тяжелыми обвиненіями. Повидимому, балзамизированные трупы привозились въ Москву изъ Африки черезъ Константинополь; они цѣнились русскими очень высоко и представляли довольно значительный предметъ обмѣна наряду съ пряностями, которыми также торговали только евреи. Одинъ польскій купецъ прислалъ имъ, вмѣсто муміи, трупъ недавно казненнаго человѣка, который онъ набилъ ароматическими травами. Такъ какъ муміи ввозились безпошлинно, то къ евреямъ предъявили обвиненіе, что въ этомъ трупѣ они пытались провезти черезъ границу какіе то товары, обложенные высокимъ таможеннымъ сборомъ. Къ этому главному обвиненію присоединились толки о людяхъ, убиваемыхъ евреями: эта версія естественно нашла себѣ благопріятную почву въ народной массѣ. Повидимому, Иванъ совсѣмъ не позаботился сколько нибудь выяснить это дѣло. Онъ остался вѣренъ тому отвращенію, какое всегда внушали ему евреи.... Натура импульсивная, Иванъ былъ, по своему, чувствителенъ!..

Нельзя отрицать, что въ *idée fixe* о путешествіи въ Англію, лелѣемой Иваномъ до послѣдняго момента, въ значительной степени, была заинтересована именно его чувствительность. Эта поѣздка была, своего рода, романомъ Грознаго, куда, помимо всякихъ практическихъ соображеній, царь вносилъ большую долю мечтательности. Въ его грезахъ одинаково живо рисовались союзъ противъ Баторія и бракъ съ Маріей Гастингсъ.

Мы знаемъ, какъ своеобразно понималъ и истолковывалъ свою роль Иванъ IV. Благодаря своей страстности и стремительной энергіи, живой мимикѣ, широкому жесту и свободной рѣчи, онъ казался нѣкоторымъ чѣмъ то вродѣ удалого казака — изъ цикла былинъ объ Ильѣ Муромцѣ. Можно согласиться, пожалуй, что этотъ циклъ завершился

на Руси не раньше коренных реформъ XVIII вѣка. До той поры, народъ Петра Великаго, дѣйствительно, жилъ въ мірѣ эпоса, убаюкиваемый гармоническими напѣвами своихъ сказателей. Съ Ильею Муромцемъ Ивана обближаетъ, между прочимъ, юморъ, а также бѣшеная вспыльчивость: первая черта еще донинѣ отличаетъ характеръ русскаго человѣка. Однако, психологія Ивана уже значительно сложнѣе. Во внѣшнемъ обликѣ этихъ народныхъ героев довольно много общаго; обоихъ роднитъ свойственная имъ мечтательность. Но, въ основѣ своего характера, Иванъ все же остается реалистомъ. Ушелъ этотъ царь, передавъ свой желѣзный скипетръ въ слабыя руки и унося съ собою въ могилу тайну своего всемогущества; втеченіе цѣлаго столѣтія послѣ него народъ пѣлъ и жилъ мечтами. Но Грозный встряхнулъ его могучей рукой; по крайней мѣрѣ, при его жизни, должны были чувствовать себя тѣсно тѣ удалые молодцы, которые не хотѣли пробудиться отъ своихъ сновъ и вернуться къ дѣйствительности, подчиняясь порядку и власти. Имъ оставалось одно: бѣжать за рубежъ,— куда нибудь въ Украину...

Несомнѣнно, воображеніе было весьма сильно развито въ Иванѣ; этимъ Грозный рѣзко отличается отъ Петра, который былъ однимъ изъ самыхъ положительныхъ умовъ во всей исторіи. Другой характерной чертой Ивана, не свойственной великому преобразователю Россіи, являлось его преувеличенное мнѣніе о своихъ способностяхъ; впрочемъ, оно любопытнѣйшимъ образомъ сочеталось у него съ постояннымъ недовѣріемъ къ самому себѣ, а равно и ко всѣмъ окружающимъ. Если бы спросили Петра, какимъ талантамъ онъ обязанъ своими успѣхами, онъ, навѣрно, отвѣтилъ бы извѣстными словами американскаго милліардера, сказанными журналисту: «Какимъ талантамъ? У меня нѣтъ никакого таланта. Я работаю, — я работаю до упаду, — вотъ и все». Что касается Ивана, то онъ считалъ себя обладателемъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ талантовъ. Какъ извѣстно, онъ представлялъ собою на Руси чуждую расу иноземныхъ завоевателей: свое личное превосходство надъ простыми смертными онъ видѣлъ даже въ этомъ своемъ происхожденіи. Въ душѣ Петра Великаго было уже сильно развито гордое сознаніе своей русской національности. Въ нѣкоторыхъ сторонахъ своего характера, великій преобразователь былъ настоящимъ человѣкомъ народа; онъ даже гордился этимъ. Конечно, Петру никогда не пришло бы въ голову, передавая золотые слитки иноземному мастеру, сказать ему: «смотри, взвѣшивай»

лучше, — всѣ русскіе — воры...» У Ивана подобныя выходки повторялись нерѣдко. При всякомъ удобномъ случаѣ, Грозный вспоминалъ о своихъ нѣмецкихъ предкахъ. Было бы чрезвычайно интересно знать, сохранилось ли въ архивахъ Вѣны что нибудь похожее на то завѣщаніе, въ которомъ, будто бы, Иванъ передавалъ все свое наслѣдіе Габсбургскому дому? Въ этомъ увѣряетъ насъ *Костомаровъ* (Монографіи, XIII, 304, прим.). Мнѣ не удалось провѣрить этотъ фактъ, который, впрочемъ, я считаю маловѣроятнымъ. Однако, нерѣдко въ самыхъ нелѣпыхъ басняхъ содержится зерно истины. Навѣрное, когда Вейтъ Ценге разсуждалъ о баварскомъ происхожденіи Грознаго, онъ лишь повторялъ слова самого московскаго царя. Повидимому, этотъ послѣдній производилъ даже имя бояръ отъ баварцевъ (*Карамзинъ*, IX, прим. 166). Во всякомъ случаѣ, подлинное завѣщаніе Ивана, равно какъ и наилучшее отраженіе его лица, нужно искать въ его дѣлахъ. Къ нимъ мы и обратимся въ заключеніе, дабы выяснить общій ихъ характеръ и результаты.
